

ГЛАВА I.

Изученіе древней философіи. Ея источники. Три періода ея развитія.

Значеніе древней философіи въ историческомъ изученіи европейской мысли.

Исторія философіи, какъ и общая исторія Европы, дѣлится на три періода — древній, средневѣковый и новый, хотя, конечно, рѣзкихъ граней между этими періодами проводить нельзя и между ними наблюдаются переходныя эпохи — первые вѣка христіанской мысли, предшествующіе средневѣковью, и такъ называемая эпоха возрожденія, стоящая на порогѣ новой европейской культуры.

Поскольку наука и философія первыхъ вѣковъ нашей эры была греческой, христіанская мысль и христіанское умозрительное догматическое ученіе выработались подъ двоякимъ воздѣйствіемъ христіанскаго вѣрованія и греческой мысли—главнымъ образомъ позднѣйшаго платонизма, господствовавшаго въ ту эпоху, а средневѣковая философія стояла подъ двойственнымъ вліяніемъ церковнаго догмата и школьныхъ традицій античной мысли—неоплатониковъ и Аристотеля, вліяніе котораго постоянно усиливалось по мѣрѣ ознакомленія съ нимъ. Философское движеніе эпохи возрожденія опредѣляется прежде всего эмансипаціей отъ церковнаго и школьнаго догматизма, возвращеніемъ къ античному міросозерцанію подъ вліяніемъ ознакомленія съ подлинными твореніями древнихъ—главнымъ образомъ Платона, который получаетъ преобладающее вліяніе. Основными факторами новой культуры являются античная культура съ ея литературой, искусствомъ, философіей, и христіанство, при чемъ религіозная реформація освобождаетъ отъ догматизма и самую религіозную мысль, провозглашая и здѣсь начало личнаго убѣжденія, личнаго опыта и свободнаго изслѣдованія, которое окончательно утверждается и въ области научной и философской. Но если новое умозрѣніе освобождается отъ старыхъ догматическихъ рамокъ, отъ господства школьныхъ авторитетовъ и школьныхъ традицій, то органическая связь и преемство съ античной и средневѣковой мыслью, съ античной культурой и христіанствомъ остаются неразрывными, и въ самыхъ смѣлыхъ умозрѣніяхъ метафизиковъ XVII в., принципиально отвергающихъ какія-либо внѣшнія предпосылки и пытающихся построить свои системы чисто раціональнымъ умозри-

тельнымъ путемъ, легко прослѣдить могущественное вліяніе античныхъ и средневѣковыхъ идей и ученій. То же слѣдуетъ сказать и объ ученіяхъ XVIII и XIX вѣка. И такимъ образомъ изученіе древней философіи, составляющей основаніе всей европейской мысли въ ея историческомъ развитіи, является существенно необходимымъ для историческаго и философскаго образованія нашихъ дней. Изучать ее долженъ всякій, кто желаетъ понять и усвоить работу европейской мысли и разобраться въ основныхъ проблемахъ философіи.

По новой философіи, начиная съ Бэкона Веруламскаго въ Англии и Декарта на континентѣ, мы имѣемъ рядъ превосходныхъ специальныхъ изслѣдованій и общихъ трудовъ, показывающихъ возникновеніе отдѣльныхъ философскихъ построеній въ общемъ ходѣ развитія европейской мысли. Средневѣковая философія, связанная церковнымъ и схоластическимъ догматизмомъ, представляла меньшій положительный интересъ для современной мысли и благодаря самой громадности матеріала, чуждаго намъ по духу и формѣ, разработана все еще недостаточно. Здѣсь требуется прежде всего тщательная детальная монографическая разработка огромнаго матеріала, безъ чего немислимо правильное пониманіе и воспроизведеніе общаго процесса. Общія изложенія поэтому не удовлетворяютъ до сихъ поръ научнымъ требованіямъ и далеко уступаютъ выдающимся трудамъ по исторіи новой и древней философіи какъ по полнотѣ историческаго знанія, такъ и по глубинѣ историческаго и философскаго пониманія. Исключеніе составляетъ ранняя эпоха христіанской мысли, надъ изученіемъ которой трудилось столько поколѣній ученыхъ историковъ церкви и христіанскаго богословія.

Всего болѣе сдѣлано было однако въ области изученія древней философіи, которая представляетъ сравнительно ограниченный, но въ высшей степени цѣнный матеріалъ, подвергавшійся самой тщательной разработкѣ въ теченіе множества вѣковъ. Правда, самая ограниченность этого матеріала и его фрагментарность обусловливаютъ нѣкоторые существенные, пока еще невозполнимые пробѣлы въ нашихъ знаніяхъ; но въ общихъ чертахъ ходъ развитія античной мысли, совершившій законченный кругъ, доступенъ объективному научному и философскому пониманію, уясняясь все болѣе и болѣе въ трудахъ современныхъ изслѣдователей.

Разработка древней философіи съ XVIII в.

Начало научнаго и систематическаго изученія греческой философіи *въ современномъ смыслѣ* этого слова можно приурочивать къ XVIII в., хотя оно было подготовлено занятіями болѣе раннихъ гуманистовъ, отчасти—трудами самихъ древнихъ, о которыхъ мы скажемъ ниже. Первымъ выдающимся ученымъ критическимъ трудомъ является книга Брукера (Brucker, *Historia critica philosophiae*), первый томъ которой вышелъ въ 1742 году. Затѣмъ слѣдуютъ труды Тидемана, Буле, Мейнерса и кантіанцевъ Рейнгольда и Теннемана; книга послѣдняго долго сохраняла свое значеніе, несмотря на односторонность оцѣнки ученій съ исключительно Кантовской точки зрѣнія.

Въ разработкѣ древней философіи въ теченіе XIX в., на ряду съ влія-

нієм новихъ идеалистическихъ системъ, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія духовнаго еволюціонизма или генегического развитія, сказалось могущественное развитіе новаго гуманизма съ конца XVIII в. Эти два теченія — нѣмецкаго идеализма и новаго гуманизма, тѣсно связанныя между собою отъ начала, вызвали общій расцвѣтъ историческихъ и филологическихъ наукъ вообще и въ частности изученія классической древности. Особенно плодотворнымъ оказалось сочетаніе философскаго идеализма и научно-филологическаго гуманизма въ изученіи греческой философіи, какъ это видно у Гегеля и Шлейермахера — корифеевъ умственнаго движенія. Если стремленіе Гегеля — *познать* философію въ ея исторіи, какъ единый и законченный логическій процессъ — представлялось осуществимымъ лишь при томъ ошибочномъ предположеніи, что сама система Гегеля есть окончательное завершеніе философіи, то въ частности развитіе античной мысли дѣйствительно представляетъ законченный кругъ и вмѣстѣ заключаетъ въ себѣ послѣдовательный, внутренне-необходимый переходъ къ послѣдующему развитію религіозной мысли, которое начинается съ перваго вѣка въ христіанской церкви. Односторонность діалектическаго построенія самого историческаго процесса греческой философіи у Гегеля искупалась глубиной философскаго пониманія отдѣльныхъ моментовъ ея развитія и тѣмъ даромъ исторической дивинаціи, который былъ ему пріусущъ. Свободный отъ этой односторонности философъ-богословъ Шлейермахеръ; который тоже примыкалъ къ идеалистическому движенію подвинулъ специальное изученіе древней философіи, и труды его по Платону, котораго онъ перевелъ, снабдивъ свой переводъ цѣнными введеніями къ каждому діалогу, до сихъ поръ сохранили свое значеніе.

Къ этимъ двумъ мыслителямъ примыкаюгъ въ разработкѣ древней философіи главнѣйшіе труды нѣмецкихъ ученыхъ и филологовъ истекшаго вѣка. За „Исторіей философіи“ Шлейермахера (изданной по смерти его Риттеромъ въ 1839 г.) слѣдуютъ капитальные труды его учениковъ: Риттера (Ист. др. филос. 1-е изд., въ 4-хъ томахъ, 1828—34; 2-е изд. 1836—39) и Брандиса (Handbuch der Gesch. d. griech.-römischen Philos. 1835—57 и Gesch. der Entwicklungen der griechischen Philosophie 1862—4), сохранившіе до сихъ поръ научную цѣнность. Изъ школы Гегеля, помимо трудовъ Марбаха и Бранисса (1842), вышла многотомная „Философія грековъ“ Э. Целлера (съ 1844 г. до послѣднихъ лѣтъ въ рядѣ переработанныхъ изданій) — до сихъ поръ лучшее и самое полное, основное научное сочиненіе, представляющее критическій сводъ вѣковой ученой работы, цѣлой громадной литературы специальныхъ изслѣдованій, разросшихся въ теченіе вѣка. Трудъ Целлера, постепенно переработывавшійся авторомъ и дополнявшійся въ рядѣ послѣдовательныхъ изданій вплоть до нашихъ дней, есть наиболѣе выдающееся научное произведеніе изъ всей историко-философской литературы вообще, соединяющее филологическую ученость съ объективной исторической и философской оцѣнкой, надолго сохранивъ свое научное значеніе и будетъ служить образцомъ для послѣдующихъ ученыхъ.

Другія общія изложенія, появившіяся послѣ Целлера, служатъ либо цѣлямъ преподаванія, либо стремятся исправить или дополнить по-своему изображеніе Целлера,

уяснить греческую философію съ той или другой точки зрѣнія. Такова, напр., книга Гомперца «Греческіе мыслители» (Griechische Denker 1896, — пока два тома, кончая Платономъ), написанная съ точки зрѣнія философскаго позитивизма и рассматривающая греческую философію въ связи съ развитіемъ науки. Изъ *учебниковъ*, помимо черзчуръ сжатаго конспекта самого Целлера, служащаго пособіемъ къ его многотомному труду (Grundriss d. Gesch. d. griech. Philosophie, въ рус. пер. Очеркъ ист. греч. философіи Слб. 1886), мы назовемъ прекрасныя руководства Швеглера [Ист. греч. философіи въ исправленномъ (нѣм.) изданіи Köstlin'a, 1882] и Виндельбанда (Исторія древней философіи въ рус. перев. подъ ред. проф. Введенскаго, Слб. 1902). Наибольше полныя библиографическія указанія можно найти въ «Очеркѣ Исторіи Философіи» Ибервега, причемъ эти указанія постепенно пополняются въ рядѣ послѣдовательныхъ изданій (9 изд. 1903 г.).

На ряду съ общими изложеніями исторіи древней философіи существуетъ необозримая монографическая литература, посвященная критической разработкѣ источниковъ, изученію отдѣльныхъ памятниковъ и фрагментовъ, отдѣльныхъ философовъ и школъ, развитію отдѣльныхъ идей и ученій. Нѣтъ специальнаго вопроса, нѣтъ философа, которому бы не былъ посвященъ рядъ изслѣдованій. Отдѣльныя изъ этихъ монографій представляютъ величайшую цѣнность (онѣ будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ); здѣсь можно говорить не о литературѣ, а о цѣлыхъ литературахъ: собраніе всего, что было написано о Платонѣ, напримѣръ, составило бы цѣлую библіотеку, увеличивающуюся ежемѣсячно. И, разумѣется, всякое научное общее изложеніе строится на основаніи детальныхъ изслѣдованій.

Мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ нѣкоторыхъ *цѣнныхъ* монографій, посвященныхъ разработкѣ общихъ вопросовъ или исторіи отдѣльныхъ философскихъ дисциплинъ. Prantl, Gesch. d. Logik im Abendlande (I т., посвященный древней логикѣ, 1855); Siebek, Gesch. d. Psychologie, 1 и 2 (1880—4); А. Ланге, Исторія Матеріализма (рус. перев. Страхова 1888; Bäumker, Gesch. d. Lehre von d. Materie (1890); M. Schasler, Kritische Geschichte d. Aesthetik (I, 1871); Исторія этики Th. Ziegler'a (1881) и Köstlin'a (I, 1887); R. Pöhlmann, Gesch. des antiken Kommunismus und Socialismus (1893—1901); E. Rohde, Psyche (2-е изд. 1898), превосходное изслѣдованіе о загробныхъ вѣрованіяхъ грековъ въ ихъ историческомъ развитіи. *По древнѣйшему* періоду до Сократа: Таннери (P. Tannery), Pour l'histoire de la science hellène [порусски подъ ред. проф. Введенскаго. Первые шаги древне-греческой науки (1902) съ переводомъ фрагментовъ] и Vignot, Early greek philosophy (1892). Поскольку греческую философію слѣдуетъ изучать въ связи съ общей исторіей Греціи и ея культурой, отсылаемъ къ историкамъ Греціи; лучшимъ изъ новѣйшихъ трудовъ является книга Eduard Meyer'a, Geschichte d. Alterthums, II—V (1892—1902).

Источники.

Чтобы уяснить себѣ значеніе научной разработки древней философіи, надо отдать себѣ ясный отчетъ въ характерѣ нашихъ источниковъ — самыхъ памятниковъ. Изъ произведеній великихъ философовъ, основателей школъ и системъ лишь очень немногое сохранилось до насъ въ полнотѣ. Цѣликомъ до насъ дошли творенія Платона и значительная часть трудовъ Аристотеля (и притомъ трудовъ, не опубликованныхъ имъ при жизни, предназначавшихся для его школы, между тѣмъ какъ произведенія, изданныя и предназначавшіяся

для большой публики, не сохранились). Вся философия до Сократа и философия ранних сократических школ представлена лишь косвенными свидетельствами позднейших писателей и комментаторов и грудой фрагментов, извлеченных из позднейших цитат. Столь же фрагментарный характер имеют источники по истории философии после Аристотеля. Ранняя, средняя и новая Академия, школа Аристотеля, ранний и средний стоицизм—до стоиков римской эпохи (Сенеки, Эпиктета, Марка Аврелия), раннее эпикурейство (до Филодема и Лукреция) и скептицизм известны нам почти исключительно через посредство позднейших писателей, и только некоторые из позднейших представителей названных направлений до нас сохранились в своих произведениях. В несколько лучшем положении находимся мы относительно философии римского периода, стоицизма, позднейшего платонизма и в особенности неоплатонизма, хотя и здесь есть не мало пробелов (напр., по истории новопифагорейцев).

Собрание материала.

При таких условиях, чтобы возродить историю греческой философии, необходимо было 1) собрать и систематизировать все наличные фрагменты, сохранившиеся от утраченных произведений греческих философов, подвергнув их тщательному анализу со стороны текста, достоверности предания, подлинности, 2) систематически собрать и критически исследовать прямые и косвенные свидетельства, которые, как и самые фрагменты, разбросаны в сохранившейся классической литературе от Платона до писателей позднейшей христианской эпохи, у отцов церкви и даже у писателей Византийской эпохи вплоть до Фотия: даже после закрытия афинской школы императором Юстинианом в 529 г.—роковой год в истории древней философии—мы находим выдающихся ученых комментаторов Аристотеля: Симпликия (в 530 г. по Р. Х.), Филопона, Асклепия, Олимпиодора (565).

Этот колоссальный труд был в значительной части своей выполнен совкупными усилиями филологов XIX в. и послужил основой научной историко-философской реконструкции,—работа, поучительная для всякого историка не только по своим положительным результатам, но и в методологическом отношении, по строгости и точности своих критических приемов.

Фрагменты.

Фрагменты отдельных философов много раз собирались и издавались вместе со всем доксографическим материалом, т. е. с собранием свидетельств о древних учениях,—в особенности фрагменты ранних досократовских философов, напр., Гераклита, которые столько раз подвергались критической переработке. До последнего времени наиболее полным собранием таких фрагментов служило издание Муллаха (Mullach, *Fragmenta philosophorum graecorum* в трех томах, 1860—1881), во многих отношениях неудовлетворительное. В настоящее время появилось собрание остатков досократовской литературы, составленное известным немецким ученым Германом Дильсом (Diels, *Fragmente der Vorsokratiker*. Berlin, 1903), представляющее итог вѣковой работы и соединяющее фрагменты, биографический и доксогра-

фическій матеріалъ во всей полнотѣ—все, что сохранилось въ древней литературѣ отъ досократовскихъ философовъ и объ нихъ ¹⁾. Остатки древней стоической литературы входятъ въ монументальное изданіе v. Arnim'a (Fragmenta veterum stoicorum (I 1905, III 1886)), а эпикурейской—въ классическое изданіе Узенера (Usener, Epicurea 1887). Существуютъ и спеціальныя труды, посвященные фрагментамъ отдѣльныхъ позднѣйшихъ философовъ.

Если значеніе и подлинность дошедшихъ до насъ фрагментовъ не подлежитъ одной общей оцѣнкѣ, то мы находимся не въ лучшихъ условіяхъ и относительно другихъ „косвенныхъ“ источниковъ, доставляемыхъ намъ сочиненіями позднѣйшихъ философовъ и писателей. Мы разумѣемъ здѣсь: 1) *биографическій* матеріалъ, дошедшій до насъ главнымъ образомъ черезъ посредство Діогена Лаэртія (10 книгъ о жизни, ученіи и изреченіяхъ философовъ), и 2) обширный „*доксографическій*“ матеріалъ (доксографія—описаніе „мнѣній“ или ученій философовъ).

Доксографическій матеріалъ.

Этотъ послѣдній встрѣчается прежде всего въ сочиненіяхъ Платона, Аристотеля, его учениковъ (главнымъ образомъ Теофраста), его позднѣйшихъ комментаторовъ. Затѣмъ онъ собирается и сохраняется въ особахъ компилятивныхъ сборникахъ, изъ которыхъ литераторы позднѣйшей эпохи, греческіе и римскіе, язычники и христіане, черпали свою ученость и свои цитаты.

Свидѣтельства Платона и Аристотеля о своихъ предшественникахъ представляютъ особую цѣнность. И тотъ и другой были вполне освѣдомленными и компетентными судьями, но при разсмотрѣніи своихъ предшественниковъ они преслѣдуютъ не догматическій, а критическій интересъ. Величайшій систематикъ древности, Аристотель методически разсматриваетъ противоположныя мнѣнія своихъ предшественниковъ по всѣмъ вопросамъ, о которыхъ онъ трактуетъ; онъ сопоставляетъ ихъ, сравниваетъ и стремится выдѣлить относительную истину каждаго, провѣряя и обосновывая собственные выводы критикой предшественниковъ. Чтобы ничего не упустить изъ вида, нужна была значительная подготовительная работа, систематическое собраніе и группировка фактовъ и ученій. Аристотель тщательно и добросовѣстно собираетъ и изучаетъ весь существующій до него матеріалъ какъ научный, такъ и философскій. Такъ, въ I-й книгѣ его метафизики мы имѣемъ краткій систематическій обзоръ всѣхъ предшествовавшихъ ученій, а въ книгахъ XIII и XIV находится пространное изслѣдованіе объ ученіи Платона и его учениковъ, точно такъ же, какъ первая книга его психологіи посвящена критическому обзору предшествовавшихъ ученій. Аристотелю и его школѣ приписывается рядъ изслѣдованій о предшествовавшихъ школахъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и сохранившійся (хотя и не вполне) трактатъ объ элейской школѣ. Такимъ образомъ Аристотель далъ толчокъ самостоятельной обработкѣ исторіи философіи и наукъ, которую отчасти предприняли его ученики: Евдемъ—въ исторіи математическихъ наукъ и Теофрастъ—въ „исторіи физики“ (18 книгъ

---

¹⁾ Всѣ фрагменты досократовскихъ философовъ цитируются нами по тексту и нумераціи этого изданія.

φυσικαὶ δόξαι, или φυσικὴ ἱστορία), хотя послѣднее сочиненіе носить характеръ не историческаго, а систематическаго изученія предшествовавшихъ учений. Изъ этого объемистаго труда уцѣлѣла лишь одна полная глава „объ ощущенійхъ“, которая даетъ намъ понятіе о способѣ изложенія: Теофрастъ, подобно Аристотелю, выраженію собственныхъ взглядовъ предпосылаетъ по каждому отдѣльному вопросу критическій обзоръ мнѣній (δόξαι) предшествовавшихъ физиковъ, сообщая о нихъ много важныхъ детальныя свѣдѣній. Матеріалъ располагался въ слѣдующемъ порядкѣ: мнѣнія философовъ объ основныхъ началахъ, о Богѣ, устройствѣ вселенной, небесныя и метеорологическія явленія, психологія, физиологія.

Это сочиненіе легло въ основаніе всѣхъ позднѣйшихъ „доксографовъ“ греко-римской и христіанской эпохи, которые непосредственно или косвеннымъ путемъ черпали изъ Теофраста; ему мы обязаны тѣми вѣрными свѣдѣніями, какія они извлекли изъ его книги о его предшественникахъ. Германъ Дильсъ въ своемъ классическомъ трудѣ, Doxographi graeci (1879), показалъ связь всѣхъ доксографовъ съ Теофрастомъ и установилъ посредствующія звенья между ними и трудомъ Теофраста ¹⁾.

Какъ показалъ Дильсъ, трудъ Теофраста былъ сначала переработанъ скептическимъ академикомъ Клитомачомъ (приблиз. 120 г. до Р. X.) и въ этой обработкѣ служилъ источникомъ позднѣйшихъ скептиковъ. Другая обработка была произведена въ I в. до Р. X., повидимому, неизвѣстнымъ стоикомъ школы Посидонія, который, помимо Теофраста, пользовался также какимъ-то сборникомъ мнѣній древнихъ медиковъ. Этой второй обработкой пользовались Варронъ и Цицеронъ и нѣкій стоикъ Аэцій (начала II в. по Р. X.), составившій изъ нея извлеченіе (ἐπιτομή). Это послѣднее въ свою очередь было экскерпировано блаж. Θεοδωριτῶν († 451 въ Ἐλληνηκόβ παθῆμάτων θεραπευτικῆ, IV, 5 сл.), авторомъ псевдо-Плутархова сборника о «мнѣніяхъ философовъ» (Placita philosophorum) и въ Эклогахъ («Изборникъ») Іоанна Стобейскаго (между 450—550 г.), при помощи которыхъ Дильсъ возстановилъ первоначальный сборникъ Аэція, послужившій имъ оригиналомъ.—Непосредственно изъ Теофраста черпали доксографы, которыми пользовались авторъ псевдо-Плутарховыхъ «Строматъ», Ипполитъ («Опроверженіе ересей», начало III в.) и Діогенъ Лаэртій. Доксографическая традиція была затѣмъ прослѣжена у Иринея, Климента александрійскаго, Евсевія († 403), Августина, въ псевдо-Галеновой π. φιλοσόφῳ ἱστορίαις и въ «Осмѣяніи языческихъ философовъ» Ерміи—позднихъ памятникахъ, въ которыхъ замѣтны слѣды другихъ источниковъ, помимо Аэція. (Въ эклогахъ Стобея, въ частяхъ, касающихся стоиковъ и Аристотеля, замѣтенъ также другой источникъ,—но мы не будемъ вдаваться здѣсь въ пространный анализъ. Результаты работы Дильса изложены вкратцѣ въ книгѣ Таннери: Pour l'Histoire de la science hellène.)

Б і о г р а ф і и.

На ряду съ доксографической литературой идетъ *литература біографическая* (напр., Воспоминанія Ксенофонта о Сократѣ) и сочиненія, посвященныя отдѣльнымъ философамъ, которыя, какъ мы видѣли, уже начинаютъ составлять въ школѣ Аристотеля (отчасти—въ Платоновой академіи). Мы не

¹⁾ Доксографы цитируются нами по изданію Дильса (Dox.). Помимо главы объ ощущеніяхъ (Dox. 499—527), до насъ дошли значительныя выдержки изъ первой главы „о началахъ“, сохранившіяся въ комментаріяхъ Симпликія (VI в. по Р. X.) на первую книгу физики Аристотеля (Dox. 112 сл.).

станемъ перечислять именъ и произведеній, также сохранившихся лишь въ отрывкахъ у позднѣйшихъ писателей. Біографическая литература представлена главнымъ образомъ большою и беспорядочною компиляціей Лаэртія Діогена (III в.) въ 10 книгахъ „О жизни и ученіи знаменитыхъ философовъ“. Главнымъ источникомъ Діогена послужило сочиненіе вѣковаго Никія изъ Накеи, составленное во времена Нерона, на основаніи чрезвычайно богатой предшествовавшей литературы „жизнеописаній“, начиная съ александрійскаго ученаго Сотіона (конецъ III в. до Р. Х.), который расположилъ эти жизнеописанія по „діадохіямъ“, или послѣдовательнымъ „преемствамъ“ отдѣльныхъ школъ. При всей своей хаотичности, сборникъ Діогена является осадкомъ множества литературныхъ источниковъ, образовавшимся въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, и ихъ отдѣленіе, успѣшно предпринятое для ряда философовъ, представляетъ значительную задачу.

Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ о біографіяхъ Платона и другихъ удѣлѣвшихъ остаткахъ біографической литературы.

Три періода исторіи древней философіи.

Исторія древней философіи довольно опредѣленно дѣлится на три періода: первый, древнѣйшій—до Сократа, второй—отъ Сократа до Аристотеля и третій—обнимающій все развитіе древней философіи послѣ Аристотеля.

Досократовскій періодъ.

До Сократа философская мысль направлена исключительно на космологію, или мірообъясненіе: она стремится познать вѣдншій міръ, его строеніе и происхожденіе, первыя причины всѣхъ вещей, или начало всего существующаго. Она начинается съ того, что признаетъ въ основѣ всего существующаго одно безпредѣльно-стихійное и вмѣстѣ живое начало; при этомъ она дѣлаетъ рядъ научныхъ открытій и гипотезъ, опредѣляющихъ ея дальнѣйшее развитіе. Изъ первоначальной концепціи, слитной и неопредѣленной, развиваются другія болѣе опредѣленныя, отчасти противоположныя между собою. Пифагоръ и его послѣдователи ищутъ путь къ познанію природы въ математикѣ и пытаются создать математическую космологію, при чемъ они противопоставляютъ первоначальному стихійному монизму (ученію о первоначальномъ единствѣ міровой субстанціи) дуалистическое ученіе. Ученіе Гераклита проникнуто идеей вѣчнаго процесса генезиса, движенія, измѣненія, въ которомъ единая стихійная первооснова еущаго вѣчно переходитъ отъ себя къ своей противоположности и возвращается къ себѣ; элейскіе философы, исходя отъ мысли о единствѣ сущаго, приходятъ, наоборотъ, къ идеѣ вѣчнаго неизмѣннаго тождества сущаго, отрицаютъ множество и движеніе и противопоставляютъ „истину“ этого чистаго монизма призрачному явленію чувственнаго міра. Физики V вѣка стремятся посредствовать между этими концепціями, согласовать неизмѣнность сущаго съ видимымъ множествомъ и движеніемъ, выставляя новыя различныя философскія гипотезы, долженствующія разрѣшить основныя проблемы бытія и генезиса, происхожденія вещей. Общій характеръ этой эпохи—наивный, непосредствен-

ный реализм мышления, которое не спрашивает себя о возможности и условиях познания и для которого самые идеи, самые концепции его, обладают неподлежащей сомнению действительностью и достоверностью, облакаются в конкретные, телесные, стихийные образы: „сущее“ мыслится в видѣ *тѣла* или вещества, и самые „числа“ пифагорейцевъ являются протяженными материальными величинами. Правда, умопостигаемое сущее такъ, какъ оно существуетъ въ себѣ самомъ, противопоставляется чувственному явленію, а подъ конецъ, въ ученіи Анаксагора, Духъ или Умъ противопоставляется вещественной массѣ: это не мѣшаетъ однако надѣлать и то и другое физическими свойствами. Въ результатѣ интересъ и наивное довѣріе къ такому умозрѣнію ослабѣваютъ: если оно справедливо показало недостоверность чувственного воспріятія и чувственного познания, то и само оно оказалось недостовернымъ, распадаясь во множествѣ парадоксальныхъ противорѣчій. Оно ведетъ къ скептическому результату, и среди софистовъ, профессиональныхъ преподавателей, появляющихся со второй половины V в., популяризаторовъ высшаго образованія, мы находимъ выдающихся представителей этого скептицизма.

Второй періодъ.

Сократъ. Начало новаго періода полагаетъ Сократъ, оставившій прежнюю физику совершенно въ сторонѣ и открывающій философіи новую для нея *нравственную* область. Онъ ищетъ истинныхъ нормъ теоретической и нравственной дѣятельности человѣка, и притомъ ищетъ ихъ въ самомъ разумѣ человѣка. Онъ ставитъ философіи проблему *гносеологии* (теоріи познания) и проблему этики, нравственной философіи. Началомъ познания, или истиннаго пониманія, является логическое понятіе; началомъ истиннаго поведенія — разумная цѣль; началомъ того и другого служитъ разумъ, и высшій идеаль Сократа есть идеаль совершеннаго божественнаго разума, который *телеологически*, т. е. цѣлесообразно, устрояетъ самую природу. Такимъ образомъ истину и благо слѣдуетъ искать не во внѣшнемъ мірѣ, а въ дѣятельности разума. Сократъ былъ основателемъ логики и этики. И вотъ, среди его учениковъ возникаютъ гносеологическіе споры о природѣ *понятія* въ его отношеніи къ действительности, — споры, которые продолжались и въ теченіе среднихъ вѣковъ и перешли въ новую философію; среди нихъ опредѣлились и различныя этическія направленія, господствовавшія до конца греческой философіи.

Платонъ, величайшій изъ учениковъ Сократа, углубляясь въ открытую имъ идеальную область, поставилъ себѣ цѣлью создать *науку идей*, въ которой онъ видѣлъ конечную цѣль Сократовой философіи. Въ этой высшей, истинной наукѣ онъ видитъ ключъ къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ бытія и основаніе всякаго дѣйствительно научнаго знанія въ области космологіи, математической физики, психологіи и этики личной и соціальной — истинной политики. Это первая величественная система *идеализма*.

Аристотель. Ученикъ Платона Аристотель, исходя изъ его началъ, подвергаетъ ихъ критической переработкѣ, стремится, если можно такъ выразиться, *реализировать* его идеализмъ, приблизить его къ действительности, обратить науку идей въ науку дѣйствительности. Онъ видитъ конечную цѣль философіи въ

разумномъ объясненіи дѣйствительности и не признаетъ „чистыхъ“ идей, отрѣшенныхъ отъ дѣйствительности. Принципомъ всѣхъ идей, принципомъ всякаго познанія или разумнаго объясненія и онъ, подобно Сократу, считаетъ разумъ; разумное объясненіе есть телеологическое объясненіе, — объясненіе смысла вещей, ихъ сути, познаваемой посредствомъ понятій; но эта суть не есть отвлеченная идея, отличная отъ дѣйствительности—это сама живая дѣйствительность, осуществленная идея, живая воплощенная форма. И вся природа является Аристотелю лѣстницей живыхъ, воплощающихся формъ, надъ которыми возвышается единая чистая и высшая „форма всѣхъ формъ“, принципъ познанія и дѣйствительности—чистый универсальный разумъ. Философъ изучаетъ морфологию мышленія и познанія и морфологию сущаго, —въ метафизикѣ, физикѣ, астрономіи, біологіи, психологіи и въ области человѣческой дѣятельности, въ этикѣ, политикѣ, поэтикѣ. Философскій принципъ его міросозерцанія служитъ основой грандіозной научной системы, завершающей собою всю предшествовавшую греческую науку. Логическій идеализмъ Сократа получаетъ такимъ образомъ всестороннее развитіе, совершаетъ законченный кругъ черезъ этическихъ ученія „сократовцевъ“, идеологию Платона, систему Аристотеля. Духъ свободнаго философскаго умозрѣнія и научнаго изслѣдованія, пробужденный Сократомъ, господствуетъ у обихъ и достигаетъ наибольшей высоты, наибольшаго подъема.

Третій періодъ.

Этотъ духъ ослабѣваетъ въ послѣдующій періодъ при измѣнившихся условіяхъ въ эпоху македонскаго владычества и универсальнаго господства эллинистической культуры.

Одновременно съ политическимъ упадкомъ, съ утратой политической самостоятельности, слабѣетъ и оригинальное философское творчество. Философія эллинизма, просвѣщающая востокъ и западъ, есть продуктъ развитія нѣсколькихъ вѣковъ; это прежде всего готовое догматическое *ученіе*, а не свободное изслѣдованіе, исканіе истины, исполненное идеалистической вѣры. Философіи Платона и Аристотеля обращаются въ школьныя ученія, хранятся и разрабатываются въ (старой) Академіи и Ликееѣ. Новыя строго-догматическія ученія *стоической* и *эпикурейской* школы отличаются *практическимъ* интересомъ; теоретическія проблемы гносеологіи и физики отступаютъ на второй планъ: стоики возвращаются къ монизму древнихъ іонійскихъ физиковъ, эпикурейцы—къ ученію матеріалистическаго атомизма (V в.). Впередъ выдвигаются нравственныя проблемы, и притомъ проблемы личной морали, такъ какъ политика потеряла нравственный смыслъ и государство перестало быть высшей этической идеей. Теоретическое міросозерцаніе является лишь догматической основой нравственнаго ученія—правила разумной жизни. Правда, на ряду съ этимъ догматизмомъ пробивается скептическое теченіе и скептическая критика; ранній скептицизмъ Пиррона, однако, также проникнутъ *практическимъ* интересомъ: утомленная умозрѣніемъ мысль, извѣрившаяся въ себѣ, приходитъ къ отказу отъ познанія, отъ всякой дѣятельности вообще: ранній скептицизмъ приводитъ къ квіетизму—ученію о недѣланіи, морали *покоя*. Болѣе живой умственный философскій интересъ сказывается въ скепти-

ческомъ критицизмѣ *средней Академіи*, дѣятельность которой направлена на разрушеніе догматизма: отчаявшись въ знаніи, мысль должна успокоиться на вѣроятіи—переходъ, подготовляющій философію вѣры и откровенія.

Отчасти подъ вліяніемъ разрушительной критики средней Академіи, главнымъ образомъ Карнеада (II в.), отчасти благодаря долговременному умственному обмѣну и, наконецъ, благодаря самымъ потребностямъ широкихъ круговъ, приобщившихся философскому просвѣщенію, отдѣльныя доктрины постепенно сближаются между собою, иногда сливаются въ *эклетиическомъ ученіи*, въ которомъ теряется сознание ихъ различій. Такое ученіе, соединяющее Платона, Аристотеля, стоиковъ, даже пифагорейцевъ, всего болѣе отвѣчаетъ потребностямъ популярной философіи, типичнымъ представителемъ которой является, напр., Цицеронъ. Согласованіе отдѣльныхъ ученій, уничтоженіе внутреннихъ различій, всего, что ихъ раздѣляетъ—путемъ неглубокаго эклектизма—создаетъ какъ бы одну *общую* и потому самому наиболѣе заслуживающую довѣрія философію. Новопифагорейцы связываютъ свое ученіе—смѣсь стоицизма и платонизма—съ авторитетомъ древняго Пифагора, которому они ее приписываютъ, а іудей Филонъ изъ Александріи—съ авторитетомъ еще болѣе древняго Моисея, книги котораго являются богооткровеннымъ источникомъ всякой премудрости, частью заимствованной, частью затемненной греческими философами. Научно-философской системы знаній, равной или подобной построенію Аристотеля, мы болѣе не находимъ, несмотря на развитіе *отдѣльныхъ* научныхъ дисциплинъ—астрономіи, математики, механики, мировѣдѣнія, медицины, филологіи. Постепенно, стремленіе къ *достоверной* истинѣ и *достоверному* правилу жизни, или достоверному добру, въ связи съ общимъ религиознымъ движеніемъ эпохи, вызываетъ и усиливаетъ религиозное теченіе въ самой философіи: греческое умозрѣніе, зарождающееся въ религиозныхъ мѣвахъ о происхожденіи боговъ и людей (теогоніи), приходитъ къ *религіозной философіи*, развивающейся преимущественно, хотя и далеко не исключительно, въ Александріи, гдѣ на ряду съ различными гностическими ученіями (египетскими, іудейскими, христіанскими) возникаетъ и знаменитая христіанская богословская школа (Климентъ и Оригенъ). Завершеніе свое греческая философія получаетъ въ величественной спиритуалистической системѣ *неоплатонизма*, которая, послѣ ряда предшественниковъ, была создана *Плотинимъ*, однимъ изъ гениальнѣйшихъ греческихъ мыслителей, который далъ синтезъ метафизическаго умозрѣнія грековъ и оказалъ самое могущественное воздѣйствіе на средневѣковую мысль.
